

DOI: 10.19181/smtp.2025.7.4.1

EDN: ABTUTC

Научная статья

Research article

ИДЕОЛОГИЯ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НARRATIVЫ И РЕФОРМИРОВАНИЕ СФЕРЫ НАУКИ

Вольчик
Вячеслав Витальевич¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Ширяев
Игорь Михайлович¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Для цитирования: Вольчик В. В., Ширяев И. М. Идеология, теоретические нарративы и реформирование сферы науки // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 4. С. 12–30. DOI 10.19181/smtp.2025.7.4.1. EDN ABTUTC.

Аннотация. Цель данной работы состоит в том, чтобы исследовать взаимосвязь экономической идеологии и реформирования сферы науки, используя нарративный подход для анализа теоретических нарративов российских учёных-экономистов. Задачи исследования включают: 1) выявление специфики благ, производимых в сфере науки, в т. ч. в контексте различных идеологических взглядов; 2) идентификация в нарративах учёных-экономистов различных точек зрения на проблему «тиарии метрик» (управления, ориентированного на достижение показателей) в экономике в целом и в сфере научной деятельности; 3) формулировка и иллюстрация примерами теоретических нарративов о реформировании сферы науки в России; 4) соотнесение выявленных теоретических нарративов с ранее классифицированными экономическими идеологиями. Методологической основой исследования является нарративная экономика в традиции Р. Шиллера. Под теоретическим нарративом в настоящей работе понимается отображение некоторой научной теории в виде краткой формулировки, позволяющей акцентировать внимание на некоторую проблему или переосмыслить её. В работе были использованы методы нарративной экономики и метод глубинных интервью. Эмпирической основой исследования являются транскрипты глубинных интервью с российскими учёными-экономистами. Основные теоретические нарративы проиллюстрированы примерами из научных публикаций и интервью. В результате проведённого исследования показано, что научные знания с экономической точки зрения являются благами, которые в основном

(особенно в случае фундаментальных исследований) относятся к общественным и доверительным благам. Управление наукой, ориентированное на достижение показателей, в идеологическом аспекте предстаёт как неудачный компромисс между экономическими идеологиями неолиберализма и дирижизма. Помимо нацеленности на показатели, к числу других актуальных теоретических нарративов, характеризующих реформирование сферы науки, относятся нарративы научно-технологического лидерства, суверенитета и мобилизации, выбора приоритетов, оптимизации, сохранения преемственности. Теоретические нарративы лидерства, суверенитета, мобилизации и выбора приоритетов являются комплементарными друг к другу. Теоретические нарративы оптимизации, сохранения преемственности и выбора приоритетов потенциально могут вступать в противоречие друг с другом.

Ключевые слова: нарративная экономика, теоретические нарративы, реформирование науки, экономическая идеология, доверительные блага

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-00665, <https://rscf.ru/project/24-18-00665/> «Идеологический ландшафт российской экономической науки» в Южном федеральном университете.

IDEOLOGY, THEORETICAL NARRATIVES AND REFORMING OF SCIENCE

Vyacheslav V. Volchik¹

Igor M. Shiriaev¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

For citation: Volchik V. V., Shiriaev I. M. Ideology, theoretical narratives and reforming of science. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(4):12–30. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.4.1.

Abstract. The purpose of this article is to explore the relationship between economic ideology and scientific reform using a narrative approach to analyze theoretical narratives of Russian economists. The objectives of the study include: 1) finding the specifics of goods produced in science, including in the context of various ideological views; 2) identifying different points of view in the narratives of economists on the problem of the “tyranny of metrics” (management focused on achieving indicators) in the economy in general and in the field of scientific activities; 3) formulating and illustrating theoretical narratives on scientific reform in Russia with examples; 4) comparing the identified theoretical narratives with previously classified economic ideologies. The methodological basis of the study is narrative economics in the tradition of R. Shiller. In this article, a theoretical narrative is understood as a reflection of a certain scientific theory in the form of a brief formulation that allows us to focus attention on a certain problem or rethink it. The methods of narrative economics and the method of in-depth interviews were used in the research. The empirical basis of the study is the transcripts of in-depth interviews with Russian economists. The main theoretical narratives are illustrated with examples from academic publications and interviews. The study has demonstrated that scientific knowledge, from an economic perspective, is a good that is primarily (especially in the case of fundamental research) a public and credence good. Performance-oriented science governance in the ideological aspect appears to be an unsuccessful compromise between the economic ideologies

of neoliberalism and dirigisme. In addition to the focus on performance, other relevant theoretical narratives characterizing scientific reform include narratives of scientific and technological leadership, sovereignty and mobilization, prioritization, optimization and continuity. The theoretical narratives of leadership, sovereignty, mobilization and prioritization are complementary to each other. Theoretical narratives of optimization, continuity and prioritization may potentially conflict with each other.

Keywords: narrative economics, theoretical narratives, reforming of science, economic ideology, credence goods

Acknowledgements. This work was supported by the grant of Russian Science Foundation No. 24-18-00665, <https://rscf.ru/en/project/24-18-00665/> “Ideological landscape of Russian economic science” at Southern Federal University.

ВВЕДЕНИЕ

Реформирование сферы науки в постсоветский период можно представить как постоянно длящийся процесс, который не является идеологически нейтральным. Наши предыдущие исследования идеологий в российской экономической науке показали, что в начальные периоды с 1992 по 2002 г. доминировала идеология неолиберализма, потом длительный период (2003–2017 гг.) первенство принадлежало дирижизму, и только в последнее время (2018–2023 гг.) на первый план выдвинулась идеология экологизма [1].

Начальное доминирование в российской экономической науке неолиберальной идеологии послужило своеобразным «эффектом основателя» для формирования видения и традиции разработки реформ в сфере науки и образования. Наиболее идеологически ангажированной в этом контексте была политика нового государственного управления в общественном секторе (New public management) или менеджеризма (managerialism) [2; 3].

Традиция реформирования сферы науки на основе принципов менеджеризма устойчива и охватывает множество как развитых, так и развивающихся стран. Одним из важнейших инструментов нового государственного управления в реализации государственной политики являются разнообразные показатели эффективности или метрики [4]. Использование различных показателей – от публикационной активности до количества патентов – служит цели количественного измерения производительности и эффективности в общественном секторе. Такое положение дел связано с убеждением, что любую деятельность можно свести к рыночным взаимодействиям и, следовательно, к рыночным показателям эффективности. Но если рыночные показатели недоступны, то их с успехом могут заменить различного рода суррогаты, косвенно свидетельствующие о продуктивности и значимости труда учёных.

Исследование нарративов о науке и её реформировании, представленное в настоящей работе, базируется на концепции теоретических нарративов и использует транскрипты глубинных интервью с учёными-экономистами.

У родоначальника нарративной экономики Р. Шиллера есть несколько определений нарративов. В одном из них он делает акцент на использовании нарративов, связанным с научным дискурсом: «Если говорить о нарративах

в сфере экономики, нарратив может представлять собойprotoэкономическую модель, доступную для понимания широкой общественностью» [5, р. 477; здесь и далее пер. наш. – В. В., И. Ш.]. Использование «protoэкономической модели» может осуществляться как в широких социальных кругах, так и в академической среде в случае отсылки к известным и устоявшимся научным концептам или теориям. Поэтому в научном обороте появился новый термин «теоретический нарратив», который используется для акцентирования внимания на ту или иную проблему. Использование теоретических нарративов также связано с привлечением внимания к новым проблемам или к переосмыслению устоявшихся коннотаций и смыслов. Вот пример такого использования концепта теоретического нарратива: «Посредством фирмы осуществляется отказ от простых чисто рыночных взаимодействий, чтобы сэкономить на трансакционных издержках, используя гибкие властные полномочия для устранения неопределенности. Этот теоретический нарратив вдохновил экономистов на более детальное рассмотрение организации фирм как взаимосвязи власти/иерархий и рынков» [6, р. 179]. Иногда теоретические нарративы могут использоваться в сокращённом виде через известные словосочетания или названия теорий. Самым известным таким теоретическим нарративом является «невидимая рука рынка» Адама Смита [7, с. 24–25].

В нашей работе мы используем в качестве основного источника эмпирических данных транскрипты глубинных интервью. Информантами в ходе проведения таких интервью стали учёные-экономисты. И хотя основной целью этого метода исследования было получение сведений об отношении информантов к вопросу экономических идеологий, мы также получили ценный материал, который позволяет осмысливать через призму идеальных идеологических типов проблему реформирования сферы науки.

Выбор метода глубинных интервью [8] объясняется тем, что с их помощью можно получить наиболее богатый и разнообразный материал для выявления релевантных концептов и нарративов. Всего было проведено и транскрибировано 35 интервью.

Информанты представляли все восемь федеральных округов: Центральный – 9 (Москва – 8, Рязань – 1); Северо-Западный – 5 (Санкт-Петербург – 4, Калининград – 1); Южный – 6 (Ростов-на-Дону – 5, Краснодар – 1); Северо-Кавказский – 1 (Махачкала – 1); Приволжский – 6 (Нижний Новгород – 2, Казань – 2, Пермь – 1, Тольятти – 1); Уральский – 2 (Екатеринбург – 1, Тюмень – 1); Сибирский – 4 (Новосибирск – 2, Томск – 1, Красноярск – 1); Дальневосточный – 2 (Владивосток – 2).

Возраст информантов – от 30 до 78 лет. Возрастной диапазон интервьюируемых обусловлен разнообразием учёных, вовлечённых в экономическую науку: в возрасте до 35 лет ($N=8$), с 36 до 59 ($N=17$), старше 60 лет ($N=10$). Все информанты имеют учёную степенью, в т. ч. 14 докторов наук и 21 кандидат наук. Были отобраны информанты преимущественно с учёной степенью в области экономических наук ($N=31$), однако из-за разнообразия предметного поля экономической науки было опрошено 4 учёных-экономиста с научными степенями по другим дисциплинам: в области физико-математических наук – 2, исторических наук – 1, социологических наук – 1. Все информанты – действующие

сотрудники университетов ($N=31$) и институтов Российской академии наук ($N=4$).

Отбор информантов осуществлялся до достижения точки насыщения методом построения экспертной сетевой выборки (peer-referrals constituting network sampling), являющейся разновидностью неслучайной целевой выборки (targeted samples) [9; 10]. Данный подход был выбран, т. к. для проведения качественного исследования наиболее предпочтителен целевой отбор, при котором «для изучения отбираются те единицы анализа, которые обладают наибольшим количеством насыщенной информации, позволяющей ответить на исследовательские вопросы» [11, с. 36]. Интервью проводились до достижения точки насыщения, когда количество получаемой новой информации делает дальнейшее проведение интервью нецелесообразным [12, с. 106].

ОСОБЕННОСТИ БЛАГ, ПРОИЗВОДИМЫХ В СФЕРЕ НАУКИ

Специфика различных идеологических подходов в экономической науке также проявляется в трактовке различных форм экономической координации, организации, а также видов экономических благ. Часто по умолчанию в моделях с рыночной координацией используются частные блага, которые торгуются на рынках. По отношению к общественному сектору и плановой координации чаще всего рассматриваются общественные или смешанные блага. Однако в современной экономической науке возникают новые теоретические подходы к классификации благ. Результаты некоторых видов деятельности нельзя свести ни к частным, ни к общественным благам. Поэтому возникли концепты доверительных, клубных, опытных и т. д. благ.

Теоретические нарративы неолиберальной идеологии фактически сводят всё множество производимых благ к частным благам, которые могут обращаться на рынках или специально сконструированных квазирынках. В современной экономической науке проблематика квазирынков получила широкое распространение [13; 14]. В основе концепта квазирынков лежит конструирование и стимулирование конкурентных взаимодействий: «...под квазирынками понимают экономические институты, в рамках которых организуется государственное финансирование спроса и стимулируется конкурентное взаимодействие между субъектами, среди которых преобладают (доминируют) некоммерческие организации» [15, с. 10].

Разграничение между частными, клубными, общественными благами основано на идее о том, что координация и финансирование производства благ должно различаться в зависимости от того, для какого количества людей это благо удовлетворяет потребности. Если одна (единственная или каждая) единица блага удовлетворяет потребности некоторого множества потребителей, то разумно, если это множество потребителей и будет финансировать производство этой единицы блага. Т. е. это множество потребителей совместно приобретает и потребляет эту единицу блага. При этом для других индивидов, за пределами этого сообщества, этот объект может быть безразличен или даже быть антиблагом.

Другое разграничение видов благ на исследуемые, опытные и доверительные основано на идее о том, что приобретение блага и извлечение полезности из его потребления может быть в разное время, и не всегда ожидаемая полезность потребления оказывается равна фактической. «...[Б]лага, в том числе услуги, бывают следующими: 1) исследуемыми, чьё качество потребитель может оценить *до* потребления; 2) опытными (качество можно оценить *в ходе* потребления)...¹; 3) доверительными, качество которых может проявить себя только спустя значительное время *после завершения* их потребления...²» [18, с. 7; курсив источника. – В. В., И. Ш.]. Разграничение на исследуемые, опытные и доверительные блага касается как частных, так и общественных благ. Как отметил В. Л. Тамбовцев, «[в]сю совокупность обращающихся на рынке благ – товаров и услуг – принято подразделять, с точки зрения возможности потребителя получать информацию об их качестве, на три основных типа: исследуемые, опытные и доверительные блага...³ Знания о существенных для покупателя свойствах *исследуемых* благ потребитель может получить без специальных издержек до момента покупки; знания об *опытных* благах приобретаются до их покупки только с определёнными *издержками* (без издержек их можно получить лишь *в ходе приобретения опыта* использования таких благ), а достоверные сведения о *доверительных* благах становятся доступны обычно лишь спустя значительное время после их получения. Приведённые характеристики относятся к благам как некоторым целостностям, однако вполне возможно анализировать исследуемые, опытные и доверительные *свойства*, присущие в различных сочетаниях конкретным благам» [19, с. 6; курсив источника. – В. В., И. Ш.].

Доверительными являются многие частные блага, обмениваемые посредством рынков. Множество примеров доверительных благ представлено в диссертации М. А. Колесовой [20]. При этом ряд экономистов полагают, что рынок не годится для координации обмена доверительными благами. «Исследования середины 1990-х гг. показали, что сильные стимулы, возникающие у производителей благ на конкурентных рынках, могут негативно сказаться на качестве этих благ...⁴ в особенности если они являются доверительными (*credence*)...⁵ Тем не менее миф об универсальности рынка и рыночной конкуренции для решения проблем повышения результативности и эффективности предоставления публичных услуг продолжает существовать, прежде всего среди политиков, поддерживающих реформы, нацеленные на коммодификацию всех видов благ, независимо от того, являются ли они исследуемыми, опытными или доверительными» [18, с. 6].

Некоторые указания на возможность трактовки науки как области производства доверительных благ представлены в исследовании Ф. Готтшалка: «Третья категория состоит из товаров, производимых *экспертами по информации*, которые предоставляют потребителям непроверенную информацию, часто

¹ См. [16].

² См. [17].

³ См. [16; 17].

⁴ См. [21; 22; 23].

⁵ См. [24].

в виде этикеток. Эта категория включает в себя потребительские товары, в отношении которых у потребителей есть определённые пожелания относительно скрытых характеристик производства, например, в отношении правдивости информации (журналистика, наука), экологического баланса, компенсации работникам (маркировка справедливой торговли) или условий содержания животных» [25, р. 6; курсив источника. – В. В., И. Ш.].

Аргументация, основанная на особом характере благ (общественные, доверительные), в пользу преимуществ государственного (нерыночного) регулирования их производства и распределения, образует две линии рассуждения, защищаемые сторонниками социализма и дирижизма. Сторонники неолиберализма, соответственно, атакуют эту аргументацию. Первая линия аргументации заключается в трактовке образования и здравоохранения в качестве общественных благ, что, по мнению сторонников социализма и дирижизма, обуславливает необходимость того, чтобы государство обеспечивало их производство. Некоторые неолибералы соглашаются с тем, чтобы государство производило эти блага, но предлагают использовать показатели эффективности (в рамках нового государственного менеджмента), чтобы заинтересовать чиновников действовать более эффективно. Вторая линия аргументации сформирована противниками неолиберализма на идее доверительных благ. В случае доверительных благ рыночный механизм создаёт искажённую мотивацию (к оппортунистическому поведению). Возможный выход противники неолиберализма видят в том, чтобы не использовать рыночные механизмы в данном случае и найти «работников, ориентированных на служение обществу...» [18, с. 8]. Однако неолиберализм мог бы атаковать такую аргументацию, утверждая, что затруднительно найти достаточное количество требуемых индивидов, нацеленных на общее благо, а от обычных индивидов, работающих в огосударствлённой сфере, неразумно ожидать меньшего оппортунизма, чем от занятых в частном секторе. В основном эти линии аргументации развиваются при рассмотрении рынков образовательных и медицинских услуг. Авторы настоящей работы полагают, что подобные линии аргументации (основанные на особом характере благ) могли бы использоваться и для обоснования социалистических и дирижистских взглядов относительно роли науки и её регулирования.

ВЛАСТЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ДИСКУРСАХ РОССИЙСКИХ УЧЁНЫХ

Особенности благ, производимых в сфере науки, стали одним из факторов того, что специфическая конкуренция на «квазирынках» часто сводится к «тирании показателей» [26]. Сфера науки и образования также оказалась втянута в изматывающую гонку за показателями, которые согласно закону Кэмпбелла ведут к негативным результатам [27].

В нарративах учёных-экономистов отражены различные точки зрения на применение показателей в экономике в целом. Одна точка зрения заключается в констатации факта применения показателей, при этом демонстрируется нейтральное отношение к данному факту, также предложены обоснования причин применения показателей при принятии экономических решений.

Альтернативная точка зрения состоит в отрицательной оценке «технократического подхода», нацеленного на достижение макроэкономических показателей, хотя в итоге выражается готовность к компромиссу в виде «какого-нибудь индекса счастья» (к. н., Рязань, 33 года).

Применение показателей в управлении наукой воспринимается также двойственным. Одни информанты относятся к нему нейтрально. Но многие опрошенные экономисты негативно воспринимают данный факт, аргументируют свою точку зрения, показывая негативные последствия применения показателей для управления научной деятельностью.

Проведённые в ходе настоящего исследования интервью не были непосредственно нацелены на обсуждение вопросов, связанных с использованием показателей. Присутствие данной проблематики в ответах информантов показывает её актуальность и значимость для экономики в целом и в сфере научной деятельности в частности.

Мышление, основанное на донаучном когнитивном акте, связанном с пониманием достижения эффективности и продуктивности тех или иных видов деятельности в ходе реализации социально-экономической политики, глубоко укоренилось в практике российской экономической науки. Например, экономическое развитие и рост благосостояния связывается с показателями России в различных рейтингах: «[Экономическое развитие основано] на ценностях, связанных с процветанием страны, с повышением благосостояния населения, прежде всего. С укреплением, усилением вклада России в мировое экономическое хозяйство. С продвижением России в различных рейтингах» (к. н., Санкт-Петербург, 67 лет). Этот элемент дискурса стал настолько привычным, что многие учёные с лёгкостью переносят оценку эффективности и производительности с рынков и систем, где доминируют частные блага, на системы, где обращается большинство общественных, доверительных и иных благ.

Пример нейтральной констатации факта применения показателей для оценки положения дел в экономике представлен одним из информантов в ходе ответа на следующий вопрос: на каких принципах или ценностях должно строиться экономическое развитие и политика России? «В основе лежат общечеловеческие ценности и интересы – и личные интересы человека. Т. е. насколько людям живётся хорошо, настолько это, так сказать, показатель развития экономики. А дальше – как это можно мерить? Качество жизни – показатель разнообразный. Но есть какие-то стандарты: доходы на душу населения, уровень образования, продолжительность жизни, сколько тратится на то или иное... Вот эти показатели ключевые для экономики» (д. н., Тольятти, 66 лет).

Негативное отношение к показателям как способу оценки положения дел в экономике может быть обосновано противоречием выбранных для достижения показателей более общему эвдемонистическому принципу стремления к счастью. «В нынешней парадигме ценностью является, допустим, рост ВВП или рост ВВП на душу населения. Т. е. какие-то макроэкономические показатели, которые формально устанавливаются и формально достигаются. Соответственно, всё ставится в угоду достижения каких-то одних специфических показателей, допустим, инфляции. Т. е. уровень инфляции должен быть ниже определённой точки. Соответственно, все решения будут направлены именно на фиксацию

этой инфляции, независимо от того, к каким последствиям это может привести. Главное – достичь выполнения показателей – такой вот технократический подход. <...> Нужно ставить именно счастье человека во главу угла, отбросив какие-то экономические показатели. В этом случае можно достичь гораздо большего. Ну хорошо, если нельзя жить без показателей, то, наверное, это должен быть индекс счастья какой-нибудь. Поставить его как главный индикатор и сказать, что мы всё делаем для индекса счастья, чтобы он был максимально высокий. Ведь если без показателей работать, тогда как бы непонятно: зачем эти люди нужны? Наступит анархия» (к. н., Рязань, 33 года).

Другой имеющийся пример критики показателей основан на внутренней противоречивости многообразных показателей, невозможности свести их к общему показателю. Также возникает сомнение в том, что провозглашённые цели по достижению некоторых показателей в реальности воплощаются в экономической политике. «Но единственная проблема, что у нас очень много разных показателей. Вот в контексте экономической науки, конечно, [требуется] создание каких-то комплексных индикаторов вот этих всех вещей, чтобы можно было это оценить. Причём здесь тоже такой момент про ценности, про полезность для населения. Вот связку между очень большим количеством первичных данных, которые мы можем наблюдать: уровень зарплаты, количество автомобилей, ещё чего-то, уровень удовлетворённости, цены и так далее – да, как это перевести в какие-то более понятные показатели действительной удовлетворенности населения и выявить проблемы? И на самом деле сейчас у нас огромное количество всех этих рейтингов общественных, не рейтингов точнее, а может, реальных систем оценки в очень разных областях. Но вот возвращаясь к самому началу: у нас огромная разрозненность, все вот по-всякому, как хотят, измеряют. Но у меня есть ощущение, что на самом деле очень мало из этого действительно трансформируется, ложится в основу политики» (к. н., Новосибирск, 38 лет).

Примеры нейтрального отношения к применению показателей в управлении наукой представлены в интервью учёных, привыкших к практике государственного управления наукой. Обоснование применению показателей в данном случае находится в соответствии выбранных показателей целям государства. «Ну вот, допустим, там всякие показатели, от нас же требуют, мы же преподаватели, в том числе в научной деятельности» (д. н., Москва, 72 года). «Даже в нашем быту мы тоже ориентированы на достижение каких-то целей: доходы, семья, дети, досуг, занятия, которым мы посвящаем. Так или иначе, мы ставим перед собой определённые цели. Точно так же перед наукой. Безусловно, у нас даже на экономфаке стоят цели достижения показателей, которые определяются стратегией развития ЮФУ. И в том числе, и по науке. Точно так же и на всех уровнях государственности тоже стоят определённые цели и перед экономической наукой» (д. н., Ростов-на-Дону, 76 лет). В данном ответе информанта предполагается отсутствие принципиальных различий между индивидуальными, внутриорганизационными целями и целями государства.

Большое значение в дискурсе российских учёных-экономистов занимает проблема научных публикаций как способа оценки продуктивности и эффективности: «Некоторое время для академической науки и для вузов, в частности,

главным были публикации в рейтинговых западных журналах. Нам давали специальные надбавки за публикации в рейтинговых журналах. Сейчас в связи с тем, что ситуация поменялась, нас стали меньше публиковать, и отношение к западным публикациям в стране несколько меняется. Вот непонятно, куда и что пойдёт дальше» (д. н., Москва, 70 лет). Такое положение дел может наблюдаться повсеместно как в социальных, так и в естественных науках.

Различные показатели публикационной активности стали ориентирами, которые используются менеджерами и самими учёными. Примечательно, что показатели стали не только важной (а иногда единственной) целью, но они фундаментально вписались в текущий порядок и организацию научной деятельности: «...все мы работаем в университетах, у нас есть у каждого свои КПІ, какие-то там обязательства. И всё-таки вся рейтинговая система, вся оценка публикаций, до сих пор была ориентация на западные рейтинги. <...> Ну, не только в плане публикаций, т. е. там рейтинги вузов, рейтинги публикаций, всякие индексы Хирша и всё прочее, всё равно это как бы мы все брали тоже как аналог. А сейчас, если мы в рамках нового курса, если мы хотим создать что-то новое, то сложно создать что-то новое, когда есть уже хорошие аналоги, которые действовали ранее. Т. е. это опять неопределенность, опять какое-то переформатирование...» (к. н., Москва, 31 год).

Отрицательное отношение к применению показателей в управлении наукой также отчасти обусловлено некоторыми возникающими сложностями для публикации научных исследований. «<...> Есть студенты... и аспиранты, которые пишут гораздо лучше многих взрослых коллег. Их журналы не берут без авторства с научным руководителем. Я вот сама недавно пыталась пристроить статью своей подопечной. Нам сказали: нет, только если с научным руководителем. Т. е. вот это не очень понятное ограничение, которое вводится журналами. Понятно, скорее всего, это только из-за того, что, скорее всего, молодого учёного не будут так сильно цитировать, и рейтинг журнала по показателю там “высококвалифицированные авторы журнала” немножко упадёт, но это сильно пугает и отворачивает молодых исследователей от того, чтобы дальше идти в науку» (к. н., Москва, 34 года). Примечательно, что в одном случае от сложившейся системы показателей проигрывают молодые учёные, статьи которых не хотят публиковать в высокорейтинговых журналах, а в другом случае проигрывают учёные «старшего поколения», поддержка которых не считается столь важной. «Нужно... стимулирование научной деятельности молодёжи и более старшего поколения. Старшее поколение нужно особо стимулировать, потому что оно почему-то не входит в КПІ вузовских приоритетов. У нас существует просадка между молодёжью и более старшим поколением в поддержке» (к. н., Москва, 38 лет).

Отрицательным последствием гонки за достижением высоких показателей публикационной активности является снижение качества работ. «<...> чем наука подтверждается? Какой квалитетический показатель? Это публикации, правильно? Если есть публикации, есть и наука. Её очень много – плохой, низкокачественной, вызванной тем, что надо 56 публикаций в год. Аттестация, переаттестация, выборы...» (к. н., Ростов-на-Дону, 48 лет).

Возникает перекос в сторону исследований, подтверждающих изначальную гипотезу. Этот перекос также обусловлен реакцией на критерии отбора статей для публикации в журналах. «Иногда возможен некий перекос: мы стремимся к выполнению индикаторов, количественно измеряемых... не ставя приоритет с точки зрения каких-то качественных исследований, в том плане, что, например, исследователь ведь может и не подтвердить какую-то изначальную гипотезу. [Мы] прекрасно понимаем как практики, что если ваша гипотеза не подтвердилась, то мало шансов, что вас опубликуют. Поэтому иногда приходится идти по пути так называемой подстройки под эту традицию в публикациях, хотя на самом деле, возможно, ряд результатов, которые были получены, тоже достойны своего внимания, они могут быть отправной точкой в каких-то дальнейших исследованиях, но, соответственно, они остаются, зачастую в таком необнародованном формате, хотя результаты, действительно, фундаментальные, возможно, это какая-то предпосылка для развития новой теории, новой концепции» (к. н., Казань, 41 год).

Другим отрицательным последствием применения показателей в управлении наукой является бюрократизация, сковывающая инициативу. Это проявляется в случае участия в конференциях. «Чем дальше, тем сложнее куда-то выбираться, сложнее обосновать: а для чего это нужно? Как ваша конференция влияет на какие-то там показатели университета? Главное – показатели. Тем более сейчас [показатели] типа: “Сколько вы принесли денег? [Разработали] с бизнесом какие-то коммерческие проекты?” и так далее. И поэтому вот это вот сильно осложняет [работу]. Но и в целом, конечно, то, что приходится на всю вот эту вот организацию на бумаге тратить очень много ресурсов, помимо денежного вопроса, [что] достаточно серьёзно мешает» (к. н., Владивосток, 49 лет).

Интересным представляется дискурс, которым пользуются представители естественных наук. Например, в обсуждениях технических вопросов, связанных с затратами на приборную базу для экспериментов, эта проблематика связывается с возможностью опубликовать результаты непременно в журнале с очень высоким импакт-фактором. Такое мышление косвенно подтверждает глубокую укоренённость показателей публикационной активности, где импакт-фактор журнала и сама возможность публикации становится главным мерилом успешности научного проекта или научной карьеры.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ НARRATIVЫ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ И СФЕРА НАУКИ

Одним из популярных вариантов идентификации идеологии неолиберализма является трактовка неолиберализма как распространения рыночных (или, точнее, на практике квазирыночных) механизмов в общественном секторе. Например, «[н]еолиберализм-8» – это «[в]згляд исследователей на российские реформы в общественном секторе на основе распространения рыночных механизмов» [28, с. 7].

С идеологией тесно связан нарратив теории как «воображаемой реальности»: «Если человек придерживается идей австрийской школы и ему нравится австрийская школа, то даже в тех случаях, когда государственное вмешательство

благоприятно влияет на экономику, он будет эти случаи либо отрицать, либо не замечать. Или, например, марксисты не будут замечать ситуации, когда их классовый подход не работает... Чрезмерное следование ценностям может привести к тому, что человек будет отрицать реальность. Человек будет отрицать реальность и будет отвергать критическое мышление, и не будет пытаться строить какие-то причинно-следственные связи» (к. н., Санкт-Петербург, 52 года). Реформы в сфере науки и образования также иногда напоминают упорную реализацию воображаемой реальности. Например, существует широко распространённое убеждение реформаторов, что через монетизацию патентов можно повышать эффективность научных исследований. Но реальность часто говорит об обратном, – что именно в сфере науки патенты стали чем-то похожим на «публикации в рейтинговых журналах». Это, конечно, не связано с действительно важной ролью патентов в определённых областях технологических бизнесов, которые очень опосредованно связаны со сферой науки. Например, наиболее цитируемые патенты самых активных изобретателей в России описывают рецепты кулинарных блюд и методы консервирования [29, с. 136–137].

В обсуждении реформирования сферы науки имеются следующие распространённые теоретические нарративы:

- 1) избегание отсталости и обеспечение «технологического лидерства» против инерционного сценария развития, отставания и сырьевой специализации – разновидность нарратива «дирижизм или вечное отставание»;
- 2) технологический суверенитет и импортозамещение для избегания зависимости;
- 3) определение приоритетных направлений и концентрация ресурсов на них (выбор приоритетов развития);
- 4) повышение эффективности расходования бюджетных средств (оптимизация);
- 5) сохранение преемственности – нарратив, близкий по целям к идеологии особого пути и конкурирующий с дирижистским нарративом определения приоритетов и неолиберальным нарративом оптимизации;
- 6) формализм, бюрократизация и производство показателей (как негативный процесс).

Теоретические нарративы о лидерстве, суверенитете и мобилизации в контексте научной деятельности в ряде примеров излагаются совместно, образуя тем самым комплекс нарративов. «Первопричина предлагаемых перемен в законодательстве – жизненно необходимый России суверенитет и волевое стремление к технологическому лидерству в обстоятельствах императива современных и тем более перспективных наукоёмких технологий, динамично и с неизбежностью меняющих техносферу и земную цивилизацию в целом» [30, с. 93].

В интервью также прозвучала проблематика лидерства в контексте развития технологий (т. е. в контексте прикладных разработок). В данном случае также информант связывает стремление к технологическому лидерству с независимостью (имеется в виду технологический суверенитет). «Но сейчас многие говорят про новый проект технологического лидерства. Да, многие говорят про технологическое лидерство, научно-технический прогресс; определённая независимость, в том числе технологическая, тоже хорошо, т. е. развитие науки, техники – это тоже хорошие ценности» (к. н., Тюмень, 47 лет).

Теоретические нарративы суверенитета и мобилизации представлены также в научных публикациях и в официальных документах государства. «После введения санкций в государственной научно-технологической политике приоритетной стала цель обеспечения технологического суверенитета. <...> Первое – это принятие в 2023 г. Концепции технологического развития России на период до 2030 года, где технологический суверенитет определён как “наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы”. Цель обеспечения технологического суверенитета затем была закреплена в обновлённой Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утверждённой в 2024 г. <...> В Стратегии указывается, что с 2022 г. начался этап “мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления” (пп. «в» п. 10). В этих условия наука служит “основой суверенного развития государства” (п. 11)» [31, с. 43–44].

Комplementарным к нарративам о лидерстве, суверенитете и мобилизации является нарратив выбора приоритетов. «Одной из причин обращения к идеи мобилизации в науке является стремление что-то противопоставить политике санкций, решая задачи обеспечения технологического суверенитета. То есть выделяются приоритетные направления научно-технического развития и к ним применяется мобилизационная модель управления» [32, с. 139]. Однако выбор приоритетов означает, что некоторые направления исследований оказываются неприоритетными. Например, учёные-экономисты отмечают в настоящее время снижение приоритета экономических исследований: «Т. е., например, у нас наши научно-технологические приоритеты, которые в прошлом году, у нас в феврале их обновили. И тоже такой интересный момент, что экономику у нас немножко задвинули в этих приоритетах. Да, если у нас там раньше были длинные, трёхэтажные формулировки, у нас был явный такой экономический приоритет, то сейчас это скорее социогуманитарный приоритет, где там чувства, там про экономические факторы в конце» (к. н., Новосибирск, 38 лет).

Кроме того, установленные приоритеты могут быть неожиданными для многих учёных, которым потребуется адаптация направления исследований. Поэтому установление новых приоритетов конкурирует с идеей сохранения преемственности. «Вот, допустим, вспомним там ещё ситуацию до Приоритета 2030, был Проект 5-100. Какая была ситуация с теми же публикациями, например. Как мы все вздрогнули, испугались и стали учиться писать публикации в Scopus. Никто же вообще не думал, не знал и так далее. По сути, это была определённая цель, которую установили политики. Вот нам нужно поднять цитируемость, нам нужно опубликоваться в хороших журналах, и за это готовы были платить. И соответственно, те, кто что-то мог сделать, они начали что-то делать. Ну, и конечно, были те, кто не адаптировался, но не будем об этом говорить. Поэтому, может быть, не напрямую. Т. е., конечно, никто не скажет: “Исследуйте вот это, а это не исследуйте” исследователю. Мне кажется, просто политики, даже управленцы государственные не будут даже тратить на это время, чтобы разрабатывать что-то такое. Но косвенно, конечно, ориентиры

задаются. Я думаю, что многие это прочувствовали прям на себе» (к. н., Тюмень, 47 лет). Кроме того, ошибочный выбор приоритетов (как та же ориентация на публикации, индексируемые в западных базах) может направить науку на неоптимальный путь развития.

Тем не менее в условиях ограниченности ресурсов выбор приоритетов (в особенности в прикладных исследованиях) может быть оправдан и обусловлен решением срочных проблем. Однако возникающая в таком случае диспропорциональность развития разных областей науки должна преодолеваться в будущем. «По крайней мере, здесь, конечно, могут быть тоже определённые проблемы, связанные с тем, что какие-то директивные, императивные нормы установлены, и наука только однобоко как-то развивается. Но в целом такая приоритизация, даже которая есть сейчас в российской науке, когда мы подаёмся на гранты, нам надо выбрать из приоритетных направлений, нам надо куда-то вписаться в какую-то программную повестку, это неплохая история, на мой взгляд. Всё равно, когда есть какие-то базовые принципы, куда двигаться стратегически. И наука здесь в помощь обществу в целом для того, чтобы какие-то процессы двигались быстрее, инновационнее и так далее» (к. н., Пермь, 30 лет).

Проблема формализма в управлении наукой, бюрократизации и нацеленности на показатели проявляется в том, что государство ожидает от науки завышенных результатов. Многие планы ранее создавались, не выполнялись до конца и заменялись на новые, столь же амбициозные и трудновыполнимые. «Можно вспомнить такие оторванные от жизни проекты 1990-х гг., как “Основные положения концепции развития науки и техники Российской Федерации в 1992–1993 годах” (1992 г.), “Доктрина развития российской науки” (1996 г.), “Концепция реформирования российской науки на период 1998–2000 годов” (1998 г.), и сопоставить их с реальным научно-технологическим развитием страны. Прожектёрство характерно и для стратегических документов первой четверти XXI в. Показательна в этом отношении “Программа 2020” (2008 г.), авантюрно обещавшая за 12 лет – с 2008 по 2020 г. – повысить производительность труда в промышленности в 4–5 раз, превратить страну в мирового технологического лидера и т. п.» [33, с. 54].

В настоящих условиях сохранение и воспроизведение имеющегося уровня научных исследований должно рассматриваться как определённый успех.

Формализм и нацеленность на показатели проявляется также в бесконечном создании разных списков, рейтингов и критерии эффективности науки. Этую погоню за призрачной «эффективностью» и показателями можно соотнести с идеологиями неолиберализма и дирижизма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идеология как совокупность ментальных моделей или донаучный когнитивный акт должна учитываться при анализе теорий и политики, в частности, в сфере науки. Односторонняя идеологизированность проводимой политики может приводить к разрушению системности в функционировании институтов и организаций в сфере науки. Российская сфера науки пережила (хоть

и не без потерь) бесконечную череду реформирования. Одним из значимых недостатков проводимой во время реформ политики было игнорирование факта, что в сфере науки производятся специфические виды благ (например, доверительные блага), которые трудно, а иногда и невозможно свести к торгуемым на рынках частным благам. Системность и последовательность в проведении реформ в сфере науки во многом зависит от формирования обратных связей на всех уровнях управления и понимания реформаторами специфики научной среды и производимых благ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вольчик В. В. Дрейф идеологий в российской экономической науке // Журнал институциональных исследований. 2025. Т. 17, № 2. С. 133–145. DOI 10.17835/2076-6297.2025.17.2.133-145. EDN POLGLT.
2. Вольчик В. В., Корытцев М. А., Маслюкова Е. В. Институты и идеология менеджеризма в сфере высшего образования и науки // Управленец. 2019. Т. 10, № 6. С. 15–27. DOI 10.29141/2218-5003-2019-10-6-2. EDN SCIVPE.
3. Вольчик В. В., Корытцев М. А., Маслюкова Е. В. Альтернативы менеджеризму в сфере образования и науки // Управленец. 2020. Т. 11, № 6. С. 44–56. DOI 10.29141/2218-5003-2020-11-6-4. EDN BNPIQZ.
4. Lorenz C. Fixing the facts: The rise of new public management, the metrification of “quality” and the fall of the academic professions // Moving the Social. 2014. Vol. 52. P. 5–26. DOI 10.13154/mts.52.2014.5-26.
5. Shiller R. J. Narratives about technology-induced job degradation then and now // Journal of Policy Modeling. 2019. Vol. 41, № 3. P. 477–488. DOI 10.1016/j.jpolmod.2019.03.015.
6. Vries P. de. New institutional economics as situational logic: A phenomenological perspective. London ; New York : Routledge, 2023. x, 350 p. ISBN 978-1-3157-6422-1. DOI 10.4324/9781315764221.
7. Вольчик В. В. Идеология и нарративная экономика // Terra Economicus. 2024. Т. 22, № 3. С. 21–33. DOI 10.18522/2073-6606-2024-22-3-21-33. EDN VJZETQ.
8. Legard R., Keegan J., Ward K. In-depth interviews // Qualitative research practice: A guide for social science students and researchers. Ed. by J. Ritchie, J. Lewis. London ; Thousand Oaks, CA ; New Delhi : Sage Publications, 2003. P. 138–169.
9. Watters J. K., Biernacki P. Targeted sampling: Options for the study of hidden populations // Social Problems. 1989. Vol. 36, № 4. P. 416–430. DOI 10.2307/800824. EDN HKLUVF.
10. Heckathorn D. D., Cameron C. J. Network sampling: From snowball and multiplicity to respondent-driven sampling // Annual Review of Sociology. 2017. Vol. 43. P. 101–119. DOI 10.1146/annurev-soc-060116-053556.
11. Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 256 с. ISBN 978-5-7598-1960-8. EDN DBPLCG.
12. Кваде С. Исследовательское интервью / пер. с англ. М. Р. Мироновой ; под ред. Д. А. Леонтьева. М. : Смысл, 2003. 301 с. ISBN 5-89357-145-2. EDN QXGGCB.
13. Grand J. Le, Bartlett W. Quasi-markets and social policy: The way forward? // Quasi-markets and social policy. Ed. by J. Le Grand, W. Bartlett. Basingstoke ; London : The Macmillan Press Ltd, 1993. P. 202–220. DOI 10.1007/978-1-349-22873-7_9.

14. Quasi-market shaping, stewarding and steering in personalization: The need for practice-orientated empirical evidence / G. Carey, E. Malbon, C. Green [et al.] // Policy Design and Practice. 2020. Vol. 3, № 1. P. 30–44. DOI 10.1080/25741292.2019.1704985. EDN JCJIWN.
15. Корытцев М. А. Эволюция теоретической концепции квазирынков в контексте реформирования общественного сектора национальной экономики // Terra Economicus. 2009. Т. 7, № 1. Ч. 2. С. 9–13. EDN PKYQQX.
16. Nelson P. Information and consumer behavior // Journal of Political Economy. 1970. Vol. 78, № 2. P. 311–329.
17. Darby M. R., Karni E. Free competition and the optimal amount of fraud // The Journal of Law and Economics. 1973. Vol. 16, № 1. P. 67–88. DOI 10.1086/466756.
18. Тамбовцев В. Л., Рождественская И. А. Как улучшать предоставление публичных услуг: взгляд экономистов // Управленец. 2023. Т. 14, № 4. С. 2–14. DOI 10.29141/2218-5003-2023-14-4-1. EDN ABNJG.
19. Тамбовцев В. Л. Стандарты государственных услуг (экономическая теория и российские реформы) // Общественные науки и современность. 2006. № 4. С. 5–20. EDN HTVALL.
20. Колосова М. А. Рынок доверительных благ: специфика и институты регулирования : дисс. ... канд. экон. н. Орел, 2020. 359 с. EDN AENEQQ.
21. Dixit A. K. Power of incentives in private versus public organizations // The American Economic Review. 1997. Vol. 87, № 2. P. 378–382. EDN HEMADN.
22. Dixit A. K. Incentives and organizations in the public sector: An interpretative review // The Journal of Human Resources. 2002. Vol. 37, № 4. P. 696–727. DOI 10.2307/3069614. EDN EHYCFP.
23. Gibbons R. Incentives in organizations // Journal of Economic Perspectives. 1998. Vol. 12, № 4. P. 115–132. DOI 10.1257/jep.12.4.115. EDN CWRTNV.
24. Wolinsky A. Competition in markets for credence goods // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1995. Vol. 151, № 1. P. 117–131.
25. Gottschalk F. What characterizes credence goods? A critical look at the literature // SSRN. 2018. February 22. DOI 10.2139/ssrn.3114257.
26. Muller J. Z. The tyranny of metrics. Princeton : Princeton University Press, 2018. ix, 220 p. ISBN 978-1-4008-8943-3. DOI 10.23943/9781400889433.
27. Campbell D. T. Assessing the impact of planned social change // Evaluation and Program Planning. 1979. Vol. 2, № 1. P. 67–90. DOI 10.1016/0149-7189(79)90048-x.
28. Вольчик В. В., Цыганков С. С., Маскаев А. И. Политика нового менеджмента в государственном секторе как продолжение идеологии неолиберализма // Управленец. 2024. Т. 15, № 6. С. 2–16. DOI 10.29141/2218-5003-2024-15-6-1. EDN GBJBEU.
29. Касьянов П. Е. Современные методы патентной аналитики как инструмент оценки и управления инновационной деятельностью // Управление наукой: теория и практика. 2019. Т. 1, № 2. С. 132–144. DOI 10.19181/smtp.2019.1.2.8. EDN QGZVUV.
30. Криворучко В. В. О сепарации научной деятельности и госкорпоративной форме управления наукой в современной России. Часть 2 // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 2. С. 69–96. DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.7. EDN JOKZSE.
31. Дежина И. Г. Формирование мобилизационного режима управления наукой в России // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 1. С. 39–54. DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.3. EDN MUBMXM.
32. Фонотов А. Г. Мобилизационная модель управления наукой: pro et contra // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 135–147. DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.10. EDN NBUSEB.

33. Семёнов Е. В. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: качество документа // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 3. С. 53–62. DOI 10.19181/smtp.2024.6.3.5. EDN GAVOMY.

REFERENCES

1. Volchik V. V. Ideological drift in Russian economic science. *Journal of Institutional Studies*. 2025;17(2):133–145. (In Russ.). DOI 10.17835/2076-6297.2025.17.2.133-145.
2. Volchik V. V., Koryttsev M. A., Maslyukova E. V. Institutions and ideology of managerialism in higher education and science. *The Manager=Upravlenets*. 2019;10(6):15–27. (In Russ.). DOI 10.29141/2218-5003-2019-10-6-2.
3. Volchik V. V., Koryttsev M. A., Maslyukova E. V. Alternatives to managerialism in higher education and science. *The Manager=Upravlenets*. 2020;11(6):44–56. (In Russ.). DOI 10.29141/2218-5003-2020-11-6-4.
4. Lorenz C. Fixing the facts: The rise of new public management, the metrification of “quality” and the fall of the academic professions. *Moving the Social*. 2014;52:5–26. DOI 10.13154/mts.52.2014.5-26.
5. Shiller R. J. Narratives about technology-induced job degradation then and now. *Journal of Policy Modeling*. 2019;41(3):477–488. DOI 10.1016/j.jpolmod.2019.03.015.
6. Vries P. de. New institutional economics as situational logic: A phenomenological perspective. London ; New York : Routledge; 2023. x, 350 p. ISBN 978-1-315-76422-1. DOI 10.4324/9781315764221.
7. Volchik V. V. Ideology and narrative economics. *Terra Economicus*. 2024;22(3):21–33. (In Russ.). DOI 10.18522/2073-6606-2024-22-3-21-33.
8. Legard R., Keegan J., Ward K. In-depth interviews. In: Ritchie J., Lewis J., eds. Qualitative research practice: A guide for social science students and researchers. London ; Thousand Oaks, CA ; New Delhi : Sage Publications; 2003. P. 138–169.
9. Watters J. K., Biernacki P. Targeted sampling: Options for the study of hidden populations. *Social Problems*. 1989;36(4):416–430. DOI 10.2307/800824.
10. Heckathorn D. D., Cameron C. J. Network sampling: From snowball and multiplicity to respondent-driven sampling. *Annual Review of Sociology*. 2017;43:101–119. DOI 10.1146/annurev-soc-060116-053556.
11. Vanke A. V., Polukhina E. V., Strelnikova A. V. How to collect data in a qualitative field study [Kak sobrat' dannye v polevom kachestvennom issledovanii]. Moscow : HSE Publishing House; 2020. 256 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-1960-8.
12. Kvale S. InterViews: An introduction to qualitative research interviewing. Transl. from English by M. R. Mironova ; ed. by D. A. Leontiev. Moscow : Smysl; 2003. 301 p. (In Russ.). ISBN 5-89357-145-2.
13. Grand J. Le, Bartlett W. Quasi-markets and social policy: The way forward? In: Grand J. Le, Bartlett W., eds. Quasi-markets and social policy. Basingstoke ; London : The Macmillan Press Ltd; 1993. P. 202–220. DOI 10.1007/978-1-349-22873-7_9.
14. Carey G., Malbon E., Green C., Reeders D., Marjolin A. Quasi-market shaping, stewarding and steering in personalization: the need for practice-orientated empirical evidence. *Policy Design and Practice*. 2020;3(1):30–44. DOI 10.1080/25741292.2019.1704985.
15. Koryttsev M. A. The evolution of the theoretical concept of quasi-markets in the context of reforming the public sector of the national economy [Evolyutsiya teoreticheskoi kontseptsii kvazirynekov v kontekste reformirovaniya obshchestvennogo sektora natsional'noi ekonomiki]. *Terra Economicus*. 2009;7(1–2):9–13. (In Russ.).

16. Nelson P. Information and consumer behavior. *Journal of Political Economy*. 1970;78(2):311–329.
17. Darby M. R., Karni E. Free competition and the optimal amount of fraud. *The Journal of Law and Economics*. 1973;16(1):67–88. DOI 10.1086/466756.
18. Tambovtsev V. L., Rozhdestvenskaya I. A. Improving public services delivery: Economists' perspective. *The Manager=Upravlenets*. 2023;14(4):2–14. (In Russ.). DOI 10.29141/2218-5003-2023-14-4-1.
19. Tambovtsev V. L. Public service standards (economic theory and Russian reforms) [Standarty gosudarstvennykh uslug (ekonomiceskaya teoriya i rossiiskie reformy)]. *Social Sciences and Contemporary World=Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2006;(4):5–20. (In Russ.).
20. Kolosova M. A. The market for credence goods: Specifics and regulatory institutions [Rynok doveritel'nykh blag: spetsifika i instituty regulirovaniya] : Diss. ... Candidate of Economics. Orel; 2020. 359 p. (In Russ.).
21. Dixit A. K. Power of incentives in private versus public organizations. *The American Economic Review*. 1997;87(2):378–382.
22. Dixit A. K. Incentives and organizations in the public sector: An interpretative review. *The Journal of Human Resources*. 2002;37(4):696–727. DOI 10.2307/3069614.
23. Gibbons R. Incentives in organizations. *Journal of Economic Perspectives*. 1998;12(4):115–132. DOI 10.1257/jep.12.4.115.
24. Wolinsky A. Competition in markets for credence goods. *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1995;151(1):117–131.
25. Gottschalk F. What characterizes credence goods? A critical look at the literature. *SSRN*. 2018. February 22. DOI 10.2139/ssrn.3114257.
26. Muller J. Z. The tyranny of metrics. Princeton : Princeton University Press; 2018. ix, 220 p. ISBN 978-1-4008-8943-3. DOI 10.23943/9781400889433.
27. Campbell D. T. Assessing the impact of planned social change. *Evaluation and Program Planning*. 1979;2(1):67–90. DOI 10.1016/0149-7189(79)90048-x.
28. Volchik V. V., Tsygankov S. S., Maskaev A. I. New public management as an extension of neoliberal ideology. *The Manager=Upravlenets*. 2024;15(6):2–16. (In Russ.). DOI 10.29141/2218-5003-2024-15-6-1.
29. Kasyanov P. E. Contemporary methods of patent analytics as a tool for measuring and managing innovations. *Science Management: Theory and Practice*. 2019;1(2):132–144. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2019.1.2.8.
30. Krivoruchko V. V. On the separation of scientific activity and the state-owned corporate form of science management in contemporary Russia. Part 2. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(2):69–96. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.2.7.
31. Dezhina I. G. Formation of a mobilization mode of science management in Russia. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(1):39–54. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.1.3.
32. Fonotov A. G. Mobilization model of science management: Pro et contra. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(2):135–147. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2023.5.2.10.
33. Semenov E. V. Scientific and technological development strategy of the Russian Federation: The quality of the document. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(3):53–62. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2024.6.3.5.

Поступила в редакцию / Received 22.10.2025.
 Одобрена после рецензирования / Revised 20.11.2025.
 Принята к публикации / Accepted 26.11.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Вольчик Вячеслав Витальевич *volchik@sfedu.ru*

Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

SPIN-код: 2539-2890

Ширяев Игорь Михайлович *shiriaev@sfedu.ru*

Кандидат экономических наук, доцент, Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

SPIN-код: 8573-2555

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vyacheslav V. Volchik *volchik@sfedu.ru*

Doctor of Economics, Professor, Head, Department of Economic Theory, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: 0000-0002-0027-3442

Scopus Author ID: 55967741800

Web of Science ResearcherID: K-7832-2012

Igor M. Shiryaev *shiriaev@sfedu.ru*

Candidate of Economics, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

ORCID: 0000-0002-1820-8710

Web of Science ResearcherID: J-6072-2013